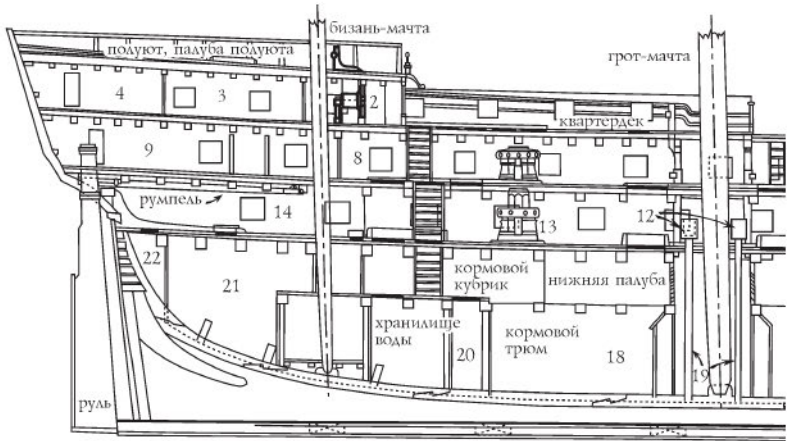

Се́мидесятиче́тырехпушечный

Протяженность по нижней
пушечной палубе — 180 футов
Длина киля — 148 футов
Максимальная ширина
корпуса — 48 футов 8 дюймов
Глубина трюмов — 19 футов 9 дюймов
Тоннаж — 1864 49/94

1. Корабельный колокол
2. Штурвал
3. Капитанская столовая
4. Капитанский салон
5. Лазарет
6. Печь камбуза
7. Гардель-кабестан
8. Механизмы рулевого управления
9. Кают-компания
10. Кормушка для коз
11. Кнехты

линкор третьего класса

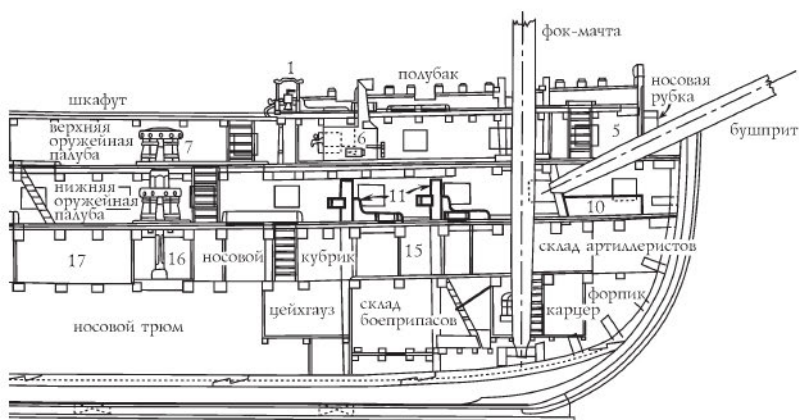
Вооружение

Нижняя оружейная палуба — двадцать восемь
32-фунтовых пушек

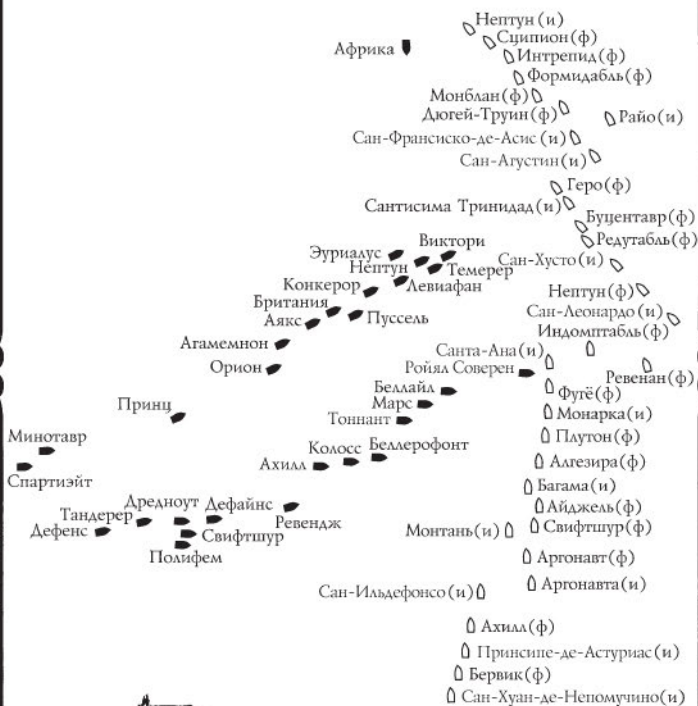
Верхняя оружейная палуба — тридцать
24-фунтовых пушек

Квартердек — двенадцать 9-фунтовых пушек

Бак — четыре 9-фунтовые пушки

12. Помповые системы
13. Главный кабестан
14. Оружейная
15. Проход в склад боеприпасов
16. Шпильевая каюта
17. Запасные снасти и канаты
18. Хранилище для пушечных ядер и зарядов
19. Помповые колодцы
20. Провиантский трюм для рыбы
21. Трюм для провианта и офицерского имущества
22. «Дамская норка»

Сражение при Трафальгаре, 21 октября 1805 года.
Флоты на подходе к битве.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Сто пятнадцать рупий. — Прапорщик Ричард Шарп пересчитал деньги на столе.

Нана Рао недовольно присвистнул, с треском сдвинул бусины на счетах и покачал головой:

— Сто тридцать восемь, сагиб.

— Сто пятнадцать чертовых рупий, — настаивал Шарп. — Или четырнадцать фунтов семь шиллингов и три с половиной пенса.

Нана Рао всмотрелся в покупателя, прикидывая, стоит ли спорить. Перед ним стоял молодой офицеришка самого низкого чина, но этот английский простолюдин отличался на редкость непреклонным выражением лица, которое усиливал шрам на правой щеке, к тому же он явно не боялся двух громил, которые охраняли Нана Рао и его склад.

— Сто пятнадцать, так и быть, — решил торговец, собирая деньги. Затем виновато пожал плечами. — Старею, сагиб, совсем считать разучился.

— Как бы не так, — усмехнулся Шарп, — просто ты решил, что считать разучился я.

— Удачные покупки, сагиб, — похвалил свой товар Нана Рао, ибо Шарп только что стал счастливым обладателем переносной кровати, двух одеял, сундука тикового дерева, фонаря, коробки свечей, бочки рисовой водки — арака, деревянного ведра, ящика мыла, еще одного с табаком, а также хитроумного устройства из меди и дерева, которое превращало тухлую воду из корабельного трюма в сладчайшую жидкость.

Нана Рао продемонстрировал покупателю работу сложного механизма. Он уверял, что фильтрующая машина прибыла из самого Лондона в багаже директора Ост-Индской компании, который не стал бы пользоваться некачественным товаром.

— Воду заливаете сюда, мистер Шарп. — Торговец влил пинту мутной воды в верхнюю камеру из меди. — Даете отстояться, и через пять минут она становится чистой, как хрусталь. Видите? — Нана Рао поднял нижнюю емкость — вода сочилась сквозь фильтр из нескольких слоев муслиновой ткани. — Я сам чистил фильтр, мистер Шарп, поэтому, уверяю вас, работает он отменно. Советую раскошелиться — не хотите же вы сгинуть в пути оттого, что грязь застрянет в кишках!

Пришлось Шарпу купить чудо-устройство. Однако от кресла, книжного шкафа, дивана и умывальника он отказался. Все эти вещи некогда принадлежали пассажирам, путешествующим из Лондона в Бомбей. Прочий скраб, в том числе фильтрующую машину, Шарп приобрел, чтобы добраться до Англии в относительном комфорте. Пассажиры больших торговых судов Ост-Индской компании должны были сами заботиться о своих удобствах.

— Вам ведь не понравится спать прямо на палубе, сагиб? Очень жестко! — Нана Рао рассмеялся. Пухлый и добродушный на вид торговец с большими черными усами продавал вещи прибывающих путешественников тем, кто отплывал обратно в Англию. — Можете все оставить здесь, — предложил он, — а в день отплытия мой брат доставит вещи на корабль. На каком судне вы плывете?

— На «Каллиопе», — ответил Шарп.

— А, «Каллиопа»! Капитан Кромвель. Увы, «Каллиопа» стоит на рейде, поэтому вещи придется переправлять лодкой. Мой брат берет недорого, а когда окажетесь в Лондоне, сможете перепродать их с большой выгодой!

Впрочем, справедливость этого утверждения Шарпу проверить так и не довелось, ибо той же ночью склад Нана Рао

сгорел дотла вместе с владельцем и товаром. Пламя поглотило все: кровати, книжные полки, фонари, фильтрующие аппараты, одеяла, сундуки, столы, стулья, арак, мыло, табак, бренди и вино. К утру на месте склада остались лишь дым, пепел да стайка скорбящих родственников добряка Нана Рао. К счастью, другой склад, что находился не далее чем в трехстах ярдах от сгоревшего, ломился от товаров. Пришлось раздраженным пассажирам заплатить его владельцу втрое против прежнего.

Всем, но не Ричарду Шарпу. Недаром Шарп провел в Бомбее целых пять месяцев. Большую часть этого времени, обливаясь потом и стуча зубами, прапорщик провалялся в лазарете. Когда лихорадка отпустила, Шарп в ожидании ежегодного британского конвоя исследовал город — от усадеб богачей на Малабарских холмах до зловонных припортовых аллей. Там он и свел знакомство с нужными людьми, которые в обмен на золотую гинею сообщили информацию, вполне стоившую затраченных денег. На кону стояли сто пятнадцать рупий, поэтому, когда стемнело, Шарп, нацепив поверх мундира плащ, щедро заляпанный грязью, оказался в восточном пригороде Бомбея. Шарп хромал, шаркал и протягивал руку за милостыней. Время от времени он что-то бормотал себе под нос, подергивался, а иногда даже огрызался на ни в чем не повинных прохожих.

Шарп отыскал нужный дом и присел на корточках у стены. Нищие, некоторые со следами страшных увечий, вместе с сотней просителей дожидались владельца дома — богатого торговца. Хозяин появился после полуночи в зашторенном паланкине, который несли восемь слуг. Еще дюжина расчищала паланкину путь, отгоняя нищих длинными палками. Ворота во двор закрыли не сразу, дав возможность просителям и нищим просочиться внутрь. Нищие, в числе которых оказался и Шарп, сгрудились в углу двора, а просители расположились у основания широкой лестницы, что вела к дверям дома. С кокосовых пальм свисали фонари,

желтый свет лился сквозь резные ставни на окнах. Шарп подобрался как можно ближе к дому и схоронился за стволом пальмы. Под засаленным плащом он прятал кавалерийскую саблю и заряженный пистолет, хотя от души надеялся, что не придется воспользоваться ни тем ни другим.

Торговца звали Панжитом, и он заставил просителей и нищих дожидаться окончания своего ужина. Затем двери широко распахнулись, и Панжит, в расшитом шелковом одеянии желтого цвета, вышел во двор. Просители заголосили, а нищие рванулись к ступеням, где их остановили палки слуг. Торговец улыбнулся и, желая привлечь внимание ярко разрисованного божества в нише стены, побренчал мелочью в кошеле. Панжит поклонился божеству, и тут в ответ на молитвы Шарпа из-за его спины появился еще один индеец в красном шелковом халате.

Нана Рао широко улыбался и явно ничуть не пострадал при пожаре. С помощью золотой гинеи Шарпу удалось выяснить, что Нана Рао приходился Панжиту двоюродным братом. Панжит владел тем самым складом, который находился в трехстах ярдах от сгоревшего имущества Нана Рао, и именно ему удалось нажиться на отплывающих пассажирах, продавая им товары втридорога. Благодаря ловкому мошенничеству братья сорвали куш и как раз сегодня вечером решали, кому поручить прибыльное дело — перевозку вещей к кораблям, что стояли на рейде, за что братьям также полагались комиссионные. Прибыль сама шла в руки мошенников, вот они и решили умиловить богов, пожертвовав попрошайкам несколько жалких монет. Шарп рассудил, что легче всего проникнуть в дом Панжита в личине нищего. В нужный момент он намеревался сбросить плащ и пристыдить бесчестного торговца. Однако опытные телохранители, стоявшие у нижней ступеньки лестницы, сильно осложняли задачу. Оставалось надеяться, что Нана Рао не захочет разоблачения и отдаст деньги добром.

Шарп заметил, что слуги унесли пустой паланкин по узкой и темной дорожке, которая вела вокруг дома, и решил

воспользоваться этим путем, чтобы проникнуть внутрь с тыла. Однако телохранители не подпускали нищих близко, а вот просителям милостиво разрешили подняться по ступенькам.

Ночь обещала быть долгой. Шарп опустил капюшон на лицо и привалился к стене, не спуская глаз с дорожки. Неожиданно на ступенях появился слуга, который охранял ворота снаружи. Он что-то прошептал хозяину на ухо. Казалось, новости встревожили торговца. Во дворе стало тихо. Панжит что-то сказал Нана Рао, тот пожал плечами. Панжит хлопнул в ладоши и крикнул телохранителям, которые начали сталкивать просителей со ступеней. Опасаясь непрошенных гостей, Нана Рао счел за благо укрыться в сумраке веранды.

Наконец Шарпу представилась возможность незамеченным проскользнуть на задний двор, но любопытство удержало его на месте. С улицы раздался шум и свист, похожий на тот, которым толпа встречает констеблей, если им случается забрести на лондонские окраины, затем ворота распахнулись, и Шарп замер в изумлении.

В воротах стояли английские матросы. Вел их морской капитан в треуголке, синем сюртуке, шелковых бриджах, чулках и туфлях с серебряными пряжками, с тонкой шпагой на боку. Свет фонарей отражался от золотой тесьмы узких эполет. Капитан снял шляпу, обнажив копну светлых волос, улыбнулся и поклонился:

— Я имею честь посетить дом Панжита Лахти?

Торговец осторожно кивнул.

— Так и есть, — отвечал он по-английски.

Морской капитан снова нахлобучил треуголку.

— Я пришел за Нана Рао, — добродушно заявил он с заметным девонширским акцентом.

— Его здесь нет, — отвечал Панжит.

Капитан бросил взгляд в сторону веранды:

— Значит, передо мной его призрак.

— Повторяю, — разозлился Панжит, — его здесь нет. Он умер!

Капитан улыбнулся.

— Меня зовут Чейз, — промолвил он учтиво. — Капитан военно-морских сил его величества Джоэль Чейз, и я буду премного вам обязан, если Нана Рао выйдет ко мне.

— Его тело сгорело, — яростно заявил торговец, — а пепел покоится в реке. Почему вы ищете его здесь?

— Он не мертвее нас с вами, — возразил Чейз и сделал знак матросам выступить вперед.

Их была дюжина — все в белых парусиновых штанах, красно-белых полосатых рубашках и просмоленных соломенных шляпах с такими же красно-белыми лентами. Волосы матросы завязывали в длинные хвосты. В руках они держали массивные палки, в которых Шарп опознал прутья кабестана. Вел матросов громадный детина, голые предплечья которого покрывали татуировки; за ним следовал чернокожий гигант, словно ветку орешника, сжимая в руке толстую палку.

— Нана Рао, — продолжил капитан, отказываясь признавать торговца мертвым, — вы должны мне, и я пришел забрать долг.

— По какому праву вы врываетесь в мой дом? — воскликнул Панжит.

Толпа, почти не понимавшая по-английски, взирала на матросов с беспокойством, а телохранители Панжита, численно превосходящие матросов и вооруженные не хуже их, рвались в бой.

— Мое право, — заявил Чейз гордо, — мой пустой кошелек. — Он улыбнулся. — Вы же не хотите, чтобы я применил силу?

— Как угодно, капитан Чейз, — отвечал Панжит надменно, — но к рассвету вы окажетесь за решеткой.

— Скорее в суде, а рядом со мной будет стоять Нана Рао. Панжит махнул рукой:

— Уходите, капитан. Сейчас же!

— Как бы не так!

— Уходите, или я обращусь к властям!

Чейз обернулся к громадному детине и произнес:

— Боцман, Нана Рао — тот усатый прохвост в красном шелковом халате. Хватайте его!

Явно обрадовавшись возможности подраться, британские матросы рванулись вперед, но у телохранителей Панжита кулаки чесались не меньше. Соперники сошлись посредине двора, раздался треск палок, черепов и звуки кулачных ударов. Матросы дрались с такой яростью, что поначалу оттеснили телохранителей к ступеням, но последних было куда больше, да и с дубинками они обращались гораздо искуснее. Сначала телохранители орудовали кулаками, затем использовали дубинки как копья. Они били матросов по ногам, и те валились на ступеньки. Последними упали боцман и чернокожий гигант. Они до последнего прикрывали своего капитана, который ловко орудовал кулаками. Как бы то ни было, британцы недооценили соперника и оказались повержены.

Сквозь толпу нищих Шарп протиснулся к ступеням. Толпа улюлюкала, Панжит и Нана Рао смеялись, а просители, ободренные успехом телохранителей, пинали поверженных врагов. Один из победителей нахлобучил на голову матросскую соломенную шляпу, другой — треуголку Чейза. Двое молодчиков Панжита заломили капитану руки за спину.

Один из телохранителей рядом с Панжитом заметил маневр Шарпа. Он кинулся вниз по ступенькам, крича, чтобы бродяга убирался вон. Когда нищий в плаще не подчинился, телохранитель решил пнуть его ногой. Шарп схватил смельчака за лодыжку и крутанул в воздухе. Телохранитель спиной грохнулся на лестницу, с треском стукнувшись затылком о верхнюю ступеньку. В суматохе происшествия никто не заметил.

Панжит поднял руку, призывая толпу к молчанию. Плечи Нана Рао сотрясались от хохота. Шарп притаился в кустах сбоку от ступенек.

Телохранители пинками отогнали просителей от окровавленных и покрытых синяками матросов, которые молча наблюдали, как их командира сталкивают вниз со ступеней. Панжит насмешливо покачал головой:

— Что же мне с вами делать, капитан?

Капитан стряхнул молодчиков Панжита. Волосы Чейза потемнели от крови, которая струйкой стекала по щеке, но капитан был непреклонен:

— Вы отдаете мне Нана Рао и молитесь всем богам, которых знаете, чтобы я не потащил вас в суд.

Панжит насупился:

— Это вас следует судить. Виданное ли дело — капитан Королевских военно-морских сил врывается в частный дом и затевает драку, словно буйный пропойца! Придется вам стать сговорчивее, капитан. — Панжит ждал, но Чейз молчал, не желая признать поражение. Панжит нахмурился и велел телохранителю вернуть капитану треуголку, затем торговец позволил себе улыбнуться. — Скандал нужен мне не больше, чем вам, капитан, но на сей раз я в лучшем положении, поэтому мне и диктовать условия.

Панжита перебил резкий звук — сначала металлический скрежет, затем щелчок, с которым пулю вгоняют в ствол. Британский офицер в красном мундире, черноволосый, со шрамом на щеке, стоял позади Нана Рао и прижимал пистолет к его виску.

Телохранители увидели, что хозяин растерялся, и самые отчаянные подхватили дубинки и двинулись к ступеням. Левой рукой Шарп дернул Нана Рао за волосы и пнул ногой под коленку. Торговец с жалобным стоном рухнул на землю. Жестокость Шарпа и очевидная готовность спустить курок отрезвили нападающих.

— Ошибаетесь, условия диктовать буду я, — обратился Шарп к Панжиту. — Ваш покойник задолжал мне четырнадцать фунтов семь шиллингов и три с половиной пенса.

— Опустите пистолет. — Панжит махнул рукой телохранителям — те отступили. Торговец растерялся: иметь дело

с джентльменом, каковым, без сомнения, был капитан, это одно, совсем другое — общаться с головорезом в красном мундире, который так вдавил курок пистолета в висок Нана Рао, что тот поскуливал от боли. — Опустите пистолет, — повторил Панжит примирительно.

— Думаете, я глухой? — усмехнулся Шарп. — Власти даже не станут преследовать меня за убийство. Вы только что заявили, что ваш брат мертв, а его пепел покоится в реке. — Он дернул Нана Рао за волосы, заставив торговца вскрикнуть. — Четырнадцать фунтов, — повторил Шарп, — семь шиллингов и три с половиной пенса.

— Я заплачу! — воскликнул Панжит.

— И не только мне, но и капитану Чейзу.

— Двести шестнадцать гиней, — охотно подтвердил Чейз, отряхивая треуголку, — хотя, сдается мне, чудо воскрешения из мертвых Нана Рао стоит дороже!

Панжит был далеко не глуп. Он видел, что матросы подобрали свои палки и приготовились драться.

— Значит, обойдемся без судей? — спросил он Шарпа.

— Ненавижу судей, — заявил Шарп.

На лице Панжита проступила слабая улыбочка.

— Если вы отпустите моего брата, думаю, мы договоримся.

Шарп оттолкнул Нана Рао, опустил пистолет и отступил назад, но тут же встал по стойке смирно.

— Прапорщик Шарп, сэр, — представился он Чейзу.

— Вы не прапорщик, Шарп, а посланец Небес! — Капитан взбежал по ступенькам. Лицо Чейза заливала кровь, но весь его облик излучал искренность и дружелюбие. — Вы — бог из машины, Шарп, столь же желанный, как шляха на нижней палубе или бриз в мертвый штить! — пошутил капитан, но, похоже, слова его шли от сердца. Он не просто пожал Шарпу руку, а горячо обнял прапорщика. — Спасибо! — шепнул Чейз на ухо своему спасителю и отступил назад. — Хоппер! — крикнул капитан.

— Я, сэр! — Громадный боцман, крушивший врагов направо и налево, пока его не повалили на ступеньки, выступил вперед.

— Очисти палубу, Хоппер! Враги хотят обсудить условия капитуляции.

— Есть, сэр!

— Это прапорщик Шарп, Хоппер, и с ним надлежит обходиться как с самым дорогим гостем.

— Есть, сэр! — Хоппер ослабился.

— Хоппер командует моим баркасом, — объяснил Чейз Шарпу, — а эти помятые джентльмены — его гребцы. Сегодня мы были не на высоте, господа, — обратился капитан к окровавленным матросам, — но победа все равно осталась за нами, поэтому я благодарю вас.

Двор очистили, из дома вынесли кресла, и переговоры начались.

Похоже, гиней-то была потрачена не зря, подумал Шарп.

— Я даже успел зауважать их, — заметил Чейз.

— Панжита и Нана Рао? Отъявленные мерзавцы, — отвечал Шарп. — Впрочем, я и сам почти полюбил их!

— Держали удар, как джентльмены!

— Они еще легко отделались, — заметил Шарп. — Наверняка заработали на пожаре целое состояние.

— Фокус стар как мир, — сказал Чейз. — Я знал одного малого на Собачьем острове за Тауэром, который вечно клялся, что его лавку обворовывают в ночь, когда иностранные корабли покидают порт. Доверчивые покупатели всегда попадались на эту удочку. — Чейз усмехнулся, и Шарп решил, что нужно держать язык за зубами. Он не только знал того малого, о котором рассказывал Чейз, но однажды сам помог ему обчистить лавку. — Главное, что мы выбрались оттуда целыми и невредимыми, если не считать синяков и царапин, — продолжил Чейз.

— Верно, сэр, — согласился Шарп.

В сопровождении команды матросов они возвращались зловонными улочками Бомбея, каждый при своих деньгах.

Когда-то Чейз заплатил Нана Рао за ром, бренди, вино и табак двести шестнадцать гиней, а теперь торговец вернул ему три сотни. Шарп получил двести рупий. Кроме того, Панжит обещал бесплатно отдать Шарпу кровать, одеяла, ведро, фонарь, сундук, арак, табак, мыло и чудо-машину и даже доставить все это к «Каллиопе». Удачный выдался вечерок, рассуждал Шарп. Индийцы, увидев, что англичане не собираются выдавать их обманутым покупателям, накормили непрошенных гостей, снабдили их араком, вернули деньги, заверили в вечной дружбе и выпроводили вон.

— Господи, как смердит! — воскликнул Чейз.

— Недавно в Индии? — спросил Шарп.

— Пять месяцев, — ответил Чейз, — просто раньше никогда не ходил на берег. На суше я уже целую неделю, и как же тут воняет! Господи, как воняет!

— В Лондоне воняет ничуть не меньше, — заметил Шарп. Впрочем, здесь запах был иным. Лондон пах угольным дымом, Бомбей — навозом, специями и нечистотами. Эта сладковатая вонь уже не казалась Шарпу отвратительной, как когда-то, теперь она манила и притягивала, успев стать привычной и почти домашней. — Мне будет не хватать этого запаха, — заметил Шарп. — Иногда совсем не хочется возвращаться в Англию.

— На каком судне вы отбываете?

— На «Каллиопе».

Ответ Шарпа неожиданно показался капитану забавным.

— И чем вы ублажили Пекьюлиа?

— Кого?

— Пекьюлиа Кромвеля, капитана. Неужели вы с ним незнакомы?

— Никогда о таком не слышал, сэр.

— Но ведь конвой прибыл два месяца назад!

— Так и есть, сэр.

— Вам следовало непременно с ним увидеться! Пекьюлиа Кромвель! Что за имечко! Когда-то служил во флоте, на судах Ост-Индской компании, затем подал в отставку.

Все надеялся быстро разбогатеть или, на худой конец, дослужиться до адмирала! Тянуть лямку — не для него. Станный тип, но корабль у него превосходный, к тому же быстрый. Не могу поверить, что вы не озаботились свести с ним знакомство!

— Зачем мне это? — удивился Шарп.

— Чтобы заручиться его расположением, разумеется! Ведь вы собираетесь путешествовать на нижней палубе?

— Я путешествую по дешевке, если вы об этом, — отвечал Шарп с горечью.

Хоть Шарп и заплатил самую низкую цену, путешествие обошлось ему в сто семь фунтов пятнадцать шиллингов. Шарп надеялся, что за него расплатится армия, но ему было отказано. Раз Шарп поступил на службу в 95-й стрелковый полк, пускай они о нем и заботятся. А если стрелки платить не собираются, то пусть убираются к дьяволу вместе со своими жуткими красными мундирами и со своим Шарпом!

Поэтому Шарп был вынужден выпороть из шва мундира бесценный алмаз. У него оставались еще драгоценные камни, которые он снял с тела султана Типу в темном туннеле в Серингапатаме, но Шарп отказывался платить Ост-Индской компании своими трофеями. Британия послала его в Индию. Британия должна позаботиться о том, чтобы вернуть его на родину.

— Пока Кромвель живет на берегу, вам следовало ему представиться и преподнести этому алчному ублюдку подарок. Если, конечно, не хотите путешествовать на нижней палубе вместе с крысами! Верхняя палуба куда комфортнее и обойдется вам ни на пенни дороже, а внизу одна вонь, блевотина и мрак! — объяснил капитан.

Они миновали узкие переулки и выбрались на широкую улицу со сточными канавами по обеим сторонам. В этом районе жили лудильщики. Кузнечные горны уже пылали, а звук молотов раздавался в ночной тиши. Белая корова молча смотрела, как матросы проходят мимо, собаки, обнаружив бездомного бродягу, заливались лаем.

— Жаль, что вы путешествуете вместе с конвоем, — заметил Чейз.

— Почему, сэр?

— Конвой вынужден подлаживаться под скорость самого тихоходного из судов, — объяснил Чейз. — «Каллиопа» вполне способна достичь берегов Англии за три месяца, но в конвое ей придется плестись вместе со всеми. Жаль, что вы не можете отплыть вместе со мной. В благодарность за вашу помощь я с радостью предложил бы вам место на своем корабле, но я охочусь за привидением.

— За привидением, сэр?

— Вы слыхали о «Ревенане»?

— Нет, сэр.

— Сухопутное невежество, — фыркнул Чейз. — «Ревенан», дорогой мой Шарп, французский семидесятичетырехпушечный корабль, гроза Индийского океана! Скрывается у берегов Маврикия, накидывается на жертву и тут же дает деру! Пока нам не удалось схватить его. Я здесь именно для того, чтобы поумерить пыл этого французишки. Однако, прежде чем пуститься в погоню, я должен очистить днище своего корабля. Мы были в плавании восемь месяцев и теперь отскребаем дно от водорослей и ракушек, чтобы увеличить скорость.

— Желаю удачи, сэр, — сказал Шарп и нахмурился. — А что там за привидение?

Шарп не любил обнаруживать свое невежество. Просто-му солдату, ему было привычнее маршировать рядом с товарищами в красных мундирах, чем общаться с образованными офицерами. Шарп уже смирился с тем, что понимает в умных разговорах далеко не все слова, но Чейз был так добродушен, что прапорщик решился задать вопрос.

— «Revenant» — словечко, которое лягушатники придумали для призраков, — пояснил Чейз. — Существительное мужского рода. Когда-то у меня был учитель, который накрепко вдолбил в меня все эти вещи, — ничем теперь не вышибешь! — В соседнем дворе заголосил петух. Чейз посмотрел на небо. — Светает. Могу я угостить вас завтраком?

Затем мои ребята доставят вас на «Каллиопу». И домой, в Англию!

Дом Шарп не знал иного дома, кроме армии, а в Англии не был уже шесть лет. Целых шесть. Возвращаться туда ему совершенно не хотелось. Англия не была для него домом, впрочем он никогда не задумывался о том, где же его настоящий дом. И все-таки, где бы ни находилось это место, Шарп направлялся именно туда.

Корабль очищали от водорослей, поэтому Чейз жил на берегу.

— Сейчас отлив, поэтому мы перевернули корабль и полируем его медный зад, а затем снова спустим на воду, — объяснял капитан, пока слуги накрывали на стол. На завтрак подали кофе, вареные яйца, хлеб, ветчину, холодную курицу и корзину с манго. — Чертова работенка! Выгрузить все орудия да еще и выволочь наружу содержимое половины трюмов! Зато потом корабль заскользит по волнам как по маслу. Берите еще яйца, Шарп! Я же вижу, вы проголодались. Я и сам голоден как волк. Как вам дом? Он принадлежит кузену жены, который занимается торговлей и сейчас в горах по каким-то своим делам, — уж я не знаю, чем там занимаются торговцы, чтобы набить свои карманы. Это его управляющий рассказал мне о проделках Нана Рао. Сидите-сидите, Шарп. Угощайтесь.

Они завтракали в тени широкой веранды, которая выходила на маленький садик, дорогу и гавань. Чейз был любезен, щедр и, кажется, даже не вспоминал о зияющей пропасти, которая разделяла простого прапорщика — носителя первого офицерского звания — и капитана многопушечного судна, чей морской ранг приравнивался к армейскому полковнику, не говоря уже о том, что на собственном судне капитан был и вовсе подобен Всевышнему. Поначалу Шарп держался настороже, но вскоре потеплел, увидев, что приветливость и доброжелательность Чейза исходят от чистого сердца.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАФАЛЬГАР СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод М. Клеветенко 5

ДОБЫЧА СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод С. Самуйлова.....323